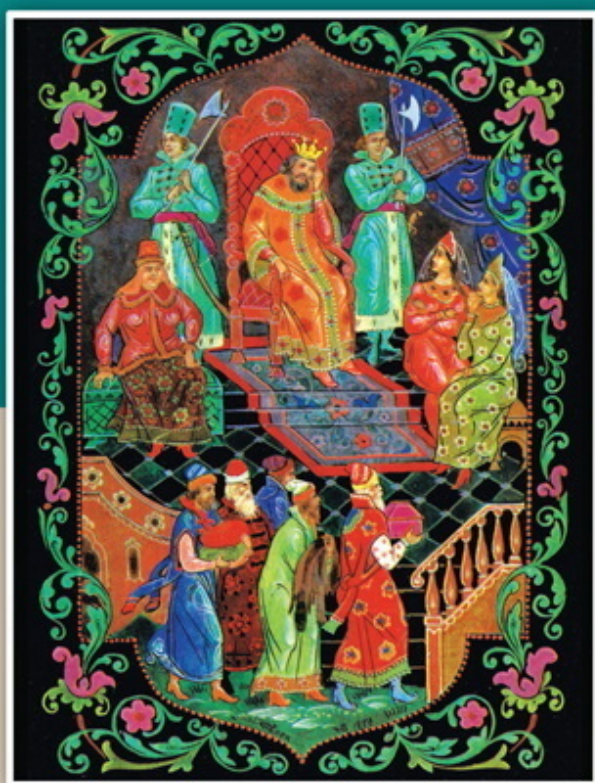

В ЦАРСТВЕ СЛАВНОГО САЛТАНА СКАЗКИ

РУССКАЯ КУЛЬТУРА

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Русская культура

Александр Пушкин
**В царстве славного
Салтана. Сказки**

ТД "Белый город"

2026

УДК 821.161.1
ББК 84Р1-44

Пушкин А. С.

В царстве славного Салтана. Сказки / А. С. Пушкин — ТД
"Белый город", 2026 — (Русская культура)

ISBN 978-5-00119-277-0

В жизнь Пушкина сказка вошла, как и у всех людей, в раннем детстве с рассказами няни и бабушки и сопровождала его всегда. Детское очарование сказкой постепенно сменялось у него глубоким пониманием того, что она, как и другие жанры народного устного творчества – песни, былины, пословицы, загадки, поговорки, сосредоточила в себе черты народного духа и характера, что сказка сохраняет и доносит до людей представления о народной жизни с глубокой древности, что она есть сокровищница вековой памяти народа. Обратившись в своем творчестве к сказке, Пушкин создавал литературный эквивалент народным текстам, стремясь сохранить выраженный в них вековой строй и содержание народных представлений о мире. Предлагаемый читателям сборник, подготовленный в год 195-летия со времени создания «Сказки о царе Салтане», содержит тексты всех сказок Пушкина, которые (за исключением одной, не оконченной автором), представлены в порядке хронологии их написания и иллюстрированы произведениями художников Палеха. Вступительная статья знакомит с историей работы Пушкина над сказками и помогает понять его роль в процессе освоения литературой народных сказочных сюжетов и создания русской литературной сказки, что позволило сохранить сказку для будущих поколений. Книга содержит также реальный комментарий к текстам пушкинских сказок.

УДК 821.161.1
ББК 84Р1-44

ISBN 978-5-00119-277-0

© Пушкин А. С., 2026
© ТД "Белый город", 2026

Содержание

«Что за прелесть эти сказки!»	8
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Пушкин

В царстве славного Салтана. Сказки

Серия «Русская культура»

Составитель, автор статьи и комментариев *Н. А. Тархова*

В оформлении издания использованы лаковые миниатюры палехских мастеров

© ООО ТД «Белый город», издание, дизайн, макет, 2026

© Тархова Н.А., подготовка текста, вступительная статья, комментарии, 2026

Автопортрет А. С. Пушкина из Ушаковского альбома. 1829 г.

«Что за прелесть эти сказки!»

В конце марта 1832 года вышла из печати третья часть «Стихотворений Александра Пушкина». Из 53 произведений, включенных в сборник, 50 прежде появлялись в периодической печати. Впервые увидели свет стихотворения «Узник» и «Каков я прежде был, таков и ныне я», а также сочинение, всех читателей Пушкина повергшее в удивление, – «Сказка о царе Салтане».

Появление этой сказки вызвало многочисленные отклики в печати, отзывы и полемику в переписке современников, многие подражания и даже пародии. О том, что Пушкин написал сказку или даже две, ходили всю зиму 1832 года среди литераторов неясные слухи, подогревая интерес, любопытство и нетерпение познакомиться с ними. Однако знакомство читателей с пушкинским сказочным творчеством началось именно со «Сказки о царе Салтане», потому что первая его сказка «О попе и работнике его Балде», написанная годом ранее знаменитой осенью 1830 года в Болдине, света при жизни автора не увидела из-за цензурных условий. Она стала известна русскому читателю в первоизданной, пушкинской, редакции лишь много десятилетий спустя.

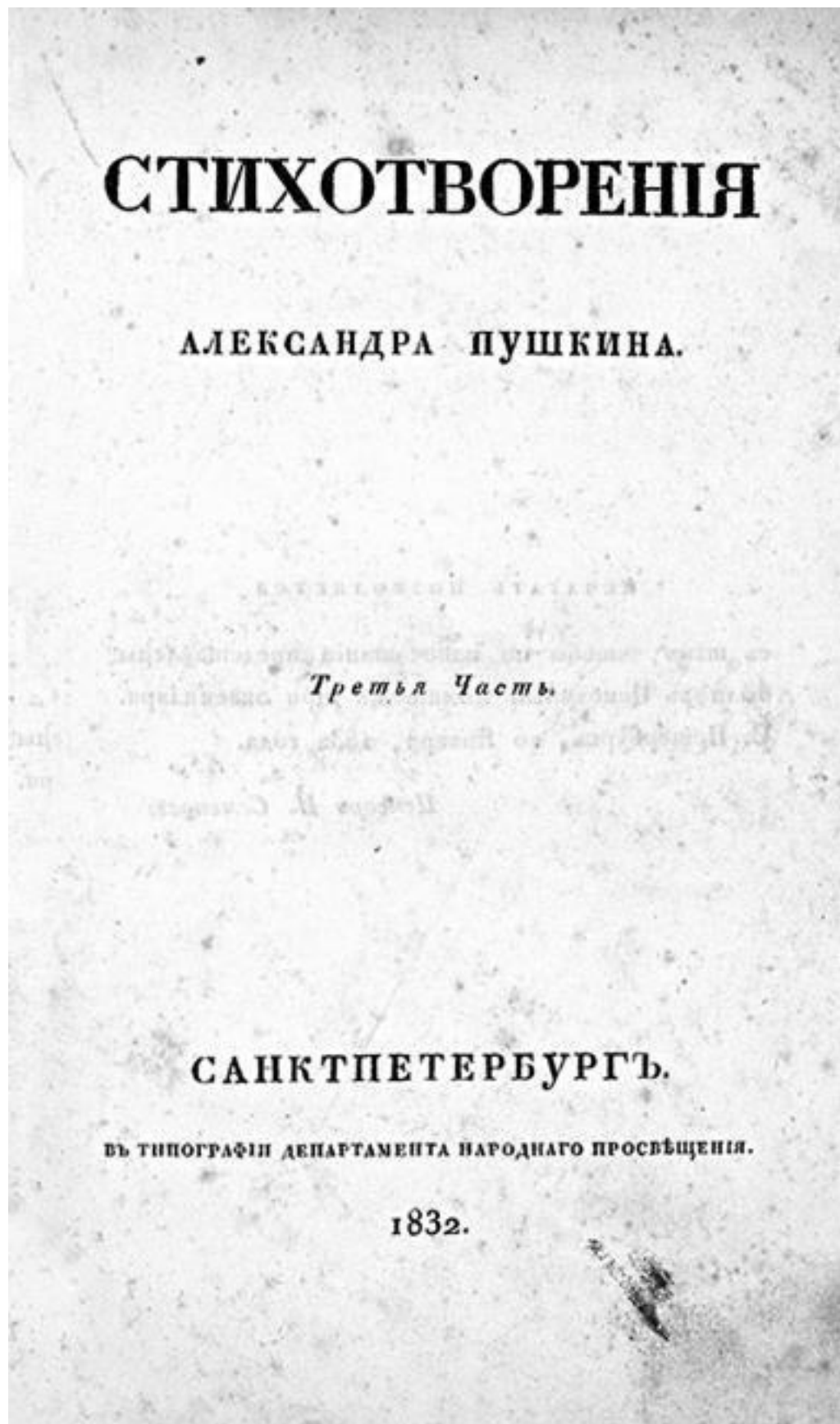
Сегодняшнему читателю, мгновенно вспоминающему при упоминании знакомой с детства сказки зачин о трех девицах под окном или строки про кораблик, который «бежит себе в волнах на раздутых парусах», невозможно уразуметь, почему поднялись вокруг «Салтана» такие горячие споры, в которых восторг от появления в литературе «настоящей русской сказки» соседствовал с отзывами уничижительными, с упреками автору в ненужности его обращения к сказке, а рядом с многочисленными подражаниями появлялись пародии, иногда довольно злые.

Понять это мы можем, только обратившись к достаточно драматичной истории бытования народной русской сказки и ее пути в литературу.

Ведь литературная история сказки начинается совсем недавно, только с последних десятилетий восемнадцатого столетия, когда русские люди смогли, наконец, прочитать сказку в книге, напечатанной. До того времени, на протяжении веков, сказка, как и песни, былины, пословицы, жила в памяти народной и передавалась изустно от поколения к поколению. И при этом, как ни покажется это сегодня странным и даже диким, сказка на протяжении веков была на Руси самым гонимым, преследуемым жанром.

«Басни баять», «сказки сказывать небылые» (видимо, волшебные. – *Н.Т.*) запрещалось еще древнерусскими проповедниками, а позже и правительственными указами. В учебнике юношества XVIII века – книге «Юности честное зеркало» – рекомендуется «всяких побуждений к злочинству и всякой злой прелести бегать, яко: блудных писем, блудных повестей, скверных басен, сказок, песней, историй, загадок, глупых пословиц и ругательных забав и издевок, ибо все сие есть мерзость перед Богом...»¹. Отметим, что определением «скверные» обозначены в перечне самые популярные жанры народной поэзии, в том числе сказки.

¹ Елеонский С.Ф. Сказки в быту и рукописной литературе XVIII века // Ученые записки МГПИ им. Потемкина. Т. XXXIV М., 1989. С. 89.

*Стихотворения Александра Пушкина. Часть третья.
Титульный лист. СПб., 1832*

Записей народных сказок почти не встречается в древней русской литературе, тогда как тексты былин и старинных повестей записывали, сохранились многочисленные их сборники. А сказку считали недостойной записи писцы и книгочеи даже в восемнадцатом веке – до последних его десятилетий не было в России сказочных рукописных сборников. Это неприятие сказки, небрежение ею отражают традиционное официальное отношение к ней, сложившееся еще во времена скоморошества. Лишь в архивных делах «Тайной канцелярии» (при Екатерине II) встречаются записанные тексты сказок: как и в старину, их запрещалось рассказывать, следовательно, подслушивали и доносили.

Но для всего населения России «злая прелесть» сказки оказывалась неподвластной никаким запретам – ее рассказывали на протяжении веков, передавали от поколения к поколению «из уст в уста» и любили в равной степени в крестьянской избе и в барских хоромах.

О распространенном обычае рассказывать сказки взрослым и детям свидетельствуют воспоминания таких разных писателей, как Д.И. Фонвизин и С.Т. Аксаков, а И.А. Крылов в комедии «Кофейница» описывает особую крестьянскую повинность – рассказывать по вечерам сказки барыне, пока та не заснет. Да что барыне, А.Т. Болотов в своих «Записках, написанных самим им для своих потомков» подобное поведал о фельдмаршале С.Ф. Апраксине, в кибитке которого он увидел солдата-гренадера, который самозабвенно, во все горло рассказывал командующему армией на сон грядущий сказку. Конечно, молодой офицер осудил это «низкое» занятие во время большой войны и счел его неприличным для фельдмаршала великой армии.

Искусство рассказывать сказки ценилось на Руси высоко. Имена двух сказительниц вошли даже в историю русской литературы – это ключница Пелагея из семьи Аксаковых и няня Пушкина Арина Родионовна. Иногда умение «сказывать сказки» становилось профессией, добывало средства к существованию: «Потешники странствовали из одного места в другое, нанимаясь за деньги на всякие увеселительные должности. Сказки и песни записывались дворецкими (в барских домах) на тот случай, когда не будет потешников»². Это явление было распространено в восемнадцатом и даже в начале девятнадцатого столетия.

В 1797 году газета «Московские Ведомости» поместила такое объявление: «Некоторой слепой желает определиться в какой-либо господский дом для рассказывания разных историй с разными повестями со удивительными приключениями и отчасти русских сказок». Текст этот должен быть особо отмечен, потому что он принадлежит человеку, знакомому не только с устной сказочной культурой, но уже и с содержанием русских сказочных сборников, которые появились в последние десятилетия восемнадцатого века, оказали огромное влияние на развитие всей русской литературы и вызвали особый интерес к сказке.

Прочитать сказку (именно прочитать, а не прослушать ее в рассказе няни или бабушки) русские люди впервые смогли именно в этих сборниках, выходявших в 1780–1790 годы. Составленные М.Д. Чулковым, В.А. Левшиным, М.В. Поповым, П. Тимофеевым и другими литераторами, сборники носили заглавия «русских», «славянских», «древних» сказок и представляли собой попытку создания русского национального сказочного предания, аналогичного европейскому волшебнo-рыцарскому роману.

Содержание сборников было очень пестрым, их наполняли переложения европейских рыцарских романов, «русифицированных» материалом былин, волшебные и фантастические повести, пересказы сказок о феях, русских волшебных и восточных сказок; в виде эпизодических вставок во многие тексты включались и бытовые русские сказки для придания им народного колорита и занимательности (о ворах, монахах, ведьмах, суевериях, солдатские сказки и т. д.).

² Сахаров И.П. Русские народные сказки. СПб., 1841. С. 65.

Использование в сборниках материалов исторической старины, былинного эпоса, народной сказки, изобретение «древнерусской мифологии» – все это черты осознанной деятельности по созданию русского или общеславянского предания, сообщения ему черт национальной достоверности. В.А. Лёвшин в предисловии к сборнику

«Русские сказки», вышедшему анонимно, именно устные произведения народного творчества называл сокровищницей памяти народной, сохранявшей в веках понятия и предания древности: «Романы и сказки были во все времена у всех народов; они оставили нам вернейшие начертания древних каждой страны народов и обыкновений»³.

И хотя русская сказка занимала в этих сборниках далеко не главное место, хотя все сказки были в них «пересказаны», а иногда сильно переделаны составителями, значение сборников огромно – они в конце XVIII века популяризировали почти все наиболее распространенные в народной русской традиции сказочные сюжеты. Материалы «сказочных» сборников некоторое время даже воспринимались как истинно народные и изучались исследователями и теоретиками литературы как древние источники. Так, А. Калайдович, например, изучал их как достоверные источники народного творчества, а А.Ф. Мерзляков в «Краткой риторике» давал определение литературной сказке как жанру, опираясь на материал этих сборников.

Об огромной популярности лёвшинско-чулковских сборников сказок свидетельствуют порожденные ими новые жанры в литературе и в театре. Многие писатели конца восемнадцатого века откликнулись на возросший интерес к сказке. К ней обратились А.П. Сумароков, М.М. Хемницер, И.И. Дмитриев и даже императрица Екатерина II. Е[равда, русские национальные сказочные сюжеты использовал только Сумароков. Сказки Хемницера (мало различимые с его же баснями) ориентированы на традицию французской нравоучительной, а Екатерины II – на жанр волшебной-аллегорической европейской сказки. И все они представляют собой только подступы к освоению сказочного жанра.

Героико-фантастические повествования сборников подвигали многих писателей рубежа XVIII и XIX веков пробовать свои силы и на ином сказочном поприще – в жанре богатырской сказочной поэмы. Ее называют в исследовательской литературе «богатырской повестью в стихах», «поэмой-сказкой», «сказочной богатырской поэмой». Жанр возник под несомненным влиянием сказочных сборников и отражает всеобщее увлечение древней историей в конце восемнадцатого века, в значительной мере ими же и порожденное.

Поэмы-сказки использовали национально-фольклорный материал и писались чаще всего былинным стихом: «Илья Муромец» Н.М. Карамзина, «Добрыня» Н.А. Львова, «Бова» А.Н. Радищева, «Альоша Попович» и «Чурила Пленкович» Н.А. Радищева (сына), «Бахариана» М.М. Хераскова, «Гром-вал» Г. Каменева и другие. Независимо от того, ориентированы писатели на штампы рыцарского романа (как Карамзин, Херасков, Андреев) или, наоборот, внутренне полемизируют с ними (как оба Радищевы, Каменев), сюжеты их поэм заимствованы из сборника Лёвшина. Они крайне фантастичны и запутанны, а все герои – русские богатыри – поставлены в ситуации, ничего общего с былинами не имеющими. Среди сказочных русских поэм лишь одна выделяется относительной независимостью. Это поэма Г.Р. Державина «Царь-девица» (1812), в которой использованы мотивы, идущие непосредственно из устной традиции, и обработаны они почти без оглядки на сказочные сборники. Богатыри же большинства поэм-сказок рисовались по образцам европейского рыцарства и преподносились в этом виде читателям как герои Древней Руси.

Интерес к истории российской древности, небывало выросший на рубеже двух столетий, осуществлялся как в литературе, так и в произведениях для театра в фантастическом и невероятном от истинно исторического виде. Жанр театрального эпического представления с музыкой, стиховыми партиями, пением и колоритом национальной старины был свойствен-

³ Русские сказки. М., 1780. Т. 1. С. 2.

нен многим произведениям для театра. Среди них знаменитая «Днепровская русалка» Н.С. Краснопольского (1803), оперы «Князь-невидимка» Е. Лифанова (1805), и «Илья-богатырь» И.А. Крылова (1806), театральное представление с музыкой «Добрыня» Г.Р. Державина (1804). И даже «исторические» трагедии В. Озерова, составившие основу русского драматического репертуара начала нового девятнадцатого века, не лишены черт фантастичности в исторических сюжетах прошлого. Поэты «новой школы» тоже отдали дань этому увлечению; так, В.А. Жуковский сочинил для театра комическую оперу «Богатырь Алеша Попович, или Страшные развалины» (1804–1808, оставшуюся в рукописи), а К.Н. Батюшков поэму «Бова» на сюжет сказки о Бове-Королевиче.

Что же удивительного в том, что юный лицеист Александр Пушкин, начиная свой путь в литературу, в самых ранних своих произведениях, поэмах «Монах» (1813) и «Бова» (1814), обращается к сказочной традиции М.М. Хемницера, И.Ф. Богдановича, Радищевых, Н.М. Карамзина и к знакомым с детства материалам сказочных сборников. Вторая поэма вообще была задумана как героико-ироническая на сюжет сказки о Бове-Королевиче, любимой с детства. В стихотворении «Сон» (1816) поэт вспоминает фантастические рассказы «мамушки» «о мертвецах, о подвигах Бовы» и детские свои впечатления от этих слушаний:

Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум...

Поэма «Монах» («Хочу воспеть, как дух нечистый ада...») была написана летом 1813 года. А «Бова» («Часто, часто я беседовал...»), очевидно ориентированная на традицию богатырско-сказочной поэмы в «народном духе», в первую очередь, на «Илью Муромца» Карамзина и «Бову» Радищева, начата была осенью 1814 года; тогда же написана значительная ее часть, с которой поэт знакомил слушателей-лицеистов; по-видимому, тогда же ее первые песни были прочитаны на уроке словесности в Лицее⁴. Пушкин предполагал продолжать поэму, но встреча с К.Н. Батюшковым, который навестил его в лицейском лазарете в марте 1815 года, эти планы нарушила – юный автор «уступил» сюжет любимому поэту, узнав, что тот тоже занят планами поэмы о Бове. Об этом мы знаем из письма П.А. Вяземскому весной 1816 года, в котором Пушкин просит обнять Батюшкова «за того больного, у которого, год тому назад, завоевал он Бову-Королевича»⁵.

Ранние поэмы были скоро оставлены, но замысел произведения в народно-сказочном духе продолжал занимать воображение Пушкина. И в последние месяцы пребывания в Лицее, весной 1817-го, он задумал, а весной 1820 года завершил поэму «Руслан и Людмила», которая, как и «Бова», была пронизана иронией и связана с исканиями в сказочно-фантастическом духе не только русских писателей конца восемнадцатого – начала девятнадцатого столетий. Повествование ее отнесено в баснословную «богатырскую древность» (в эпоху князя Владимира), наполнено многообразными рыцарскими приключениями, с участием «волшебников», с присутствием чудес и «чудесного».

«Руслан» представляет собой грандиозный сплав традиционных сюжетов, мотивов, фантазий, свойственных волшебносказочным произведениям, русским и европейским. От «Неистового Роланда» Ариосто и «Орлеанской девственницы» Вольтера, сказочных поэм

⁴ Гаевский В.П. Пушкин в лицее и лицейские его стихотворения // Современник. 1863. № 8. Отд. 1. С. 350.

⁵ Сюжет о Бове-Королевиче был как-то особенно дорог Пушкину, и он возвращался к нему не один раз: в 1822, 1825 и даже в 1834 годах, когда уже были созданы все его сказки. На листке с планом «Капитанской дочки» набросал он и план сказки о Бове, перечень действующих лиц и две стихотворные строчки: «Красным девицам в заб^аву» / Добрым молодцам на славу» (Фомичев С.А. Пушкин и древнерусская литература / РА. 1987. № 1. С. 20–28).

Карамзина, отца и сына Радищевых, «Душеньки» И. Богдановича и других писателей старшего поколения, фантастических повестей и сказок лёвшинско-чулковских сборников до произведений современников – Батюшкова и Жуковского. Пушкин, не повторив ни один из множества отразившихся в поэме образцов, отнес ее действие к эпохе древней, наполнил ее фантастическими и сказочными персонажами, действующими в сложном, но стройном сюжете, и создал произведение многоплановое и многомерное. По сути, он завершил им не слишком долгую в России традицию волшебного богатырского поэмы. Однако тяготение Пушкина к авантюрно-рыцарской сюжетике сохранилось на долгие годы, оно проявлялось позднее и в работе над собственными сказками.

Но до появления первой пушкинской сказки оставалось после «Руслана» еще целое десятилетие. Шесть лет из него провел поэт в ссылке: сначала четыре года на юге, в Кишиневе и Одессе, потом два года в Михайловском, псковской деревне. Уезжал он в ссылку в мае 1820 года, оставив на брата Лёвшину и поэта Н.П. Гнедича подготовку к изданию своей поэмы «Руслан и Людмила» (была напечатана в августе 1820 года). Вернулся из ссылки в сентябре 1826-го уже признанным первым поэтом России, автором «южных» поэм: «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Гавриилиада», «Братья разбойники», «Цыганы», пяти глав романа «Евгений Онегин», трагедии «Борис Годунов».

Интерес к сказке время от времени проявлялся уже и в годы ссылки: в 1822 году, в Кишиневе, Пушкин записал текст народной сказки о царе Салтане («Царь не имеет детей...»), в том же году появилась запись сюжета о Бове. Но по-настоящему народная русская сказка вошла в его жизнь только в Михайловском, куда Пушкин приехал из Одессы 9 августа 1824 года.

Осенью, в ноябре, Михайловское покинули члены его семейства, проводившие лето в деревне, сначала брат и сестра, а потом родители, и Пушкин остался здесь один; только няня Арина Родионовна оставалась с ним и скрашивала как могла его одиночество. Конечно, развеять тоску по Одессе, где остались друзья, море, любимая женщина, итальянская опера, блеск юга, тепло, она не могла, но занимала его как умела.

В одном из ноябрьских писем брату Пушкин, рассказывая о своих занятиях, впервые упоминает о сказках, какие рассказывает ему няня: «...до обеда пишу записки, обедаю поздно <...> Вечером слушаю сказки – и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма». В декабре он сообщал и Д.М. Шварцу в Одессу, что живет уединенно, а вечером слушает сказки няни, «оригинала няни Татьяны».

Примерно к этому времени, к поздней осени 1824 года, относятся сохранившиеся записи народных сказок со слов Арины Родионовны: «Некоторый царь задумал жениться...», «Некоторый царь ехал на войну...», «Поп поехал искать работника...», «Царь Кашей бессмертный...», «Слепой царь не веровал своей жене...», «О святках молодые люди играют игрища...» и «Царевна заблудилась в лесу...» и четырех народных песен: «Песня о сыне Стеньки Разина» («В городе-то было во Астрахане»), «Как на утренней заре, вдоль по Каме по реке», «Во славном городе во <Киеве>» и «Как за церковью, за немецкою»⁶. Начиная с этого времени еще не однажды Пушкин записывал и нянины сказки, и песни, которые доводилось ему слушать в деревне. Всего за два михайловских года он собрал и записал несколько десятков народных песен; и в будущем уже не упускал такой возможности, когда она возникала.

⁶ Рукою Пушкина//А.С. Пушкин. Поли. собр. сочинений. Т. XVII. М., 1997. С. 362–369, 409–413.

*Двойной портрет няни Арины Родионовны – молодой девушкой и в старости.
Рисунок Пушкина, 1828 г.*

«Погружение» в сказочно-песенную стихию народной поэзии вновь подтолкнуло Пушкина к мысли создать произведения в народно-сказочном духе. Сохранилось начало переложения стихами одной из сказок – «Иван-царевич по лесам», скоро оставленное, и набросок в духе народной песни «Как жениться задумал царский арап...». А вот работу над сказочным сюжетом о девице и разбойниках, начав ее осенью 1824 года, Пушкин завершил только летом 1825 года. Сюжет сказки, сокращенный и преображенный, остался в собрании пушкинских стихотворений как баллада «Жених» («Три дня купеческая дочь...»), правда, поэт некоторое время называл ее «простонародной сказкой», видимо, по сходству сюжета.

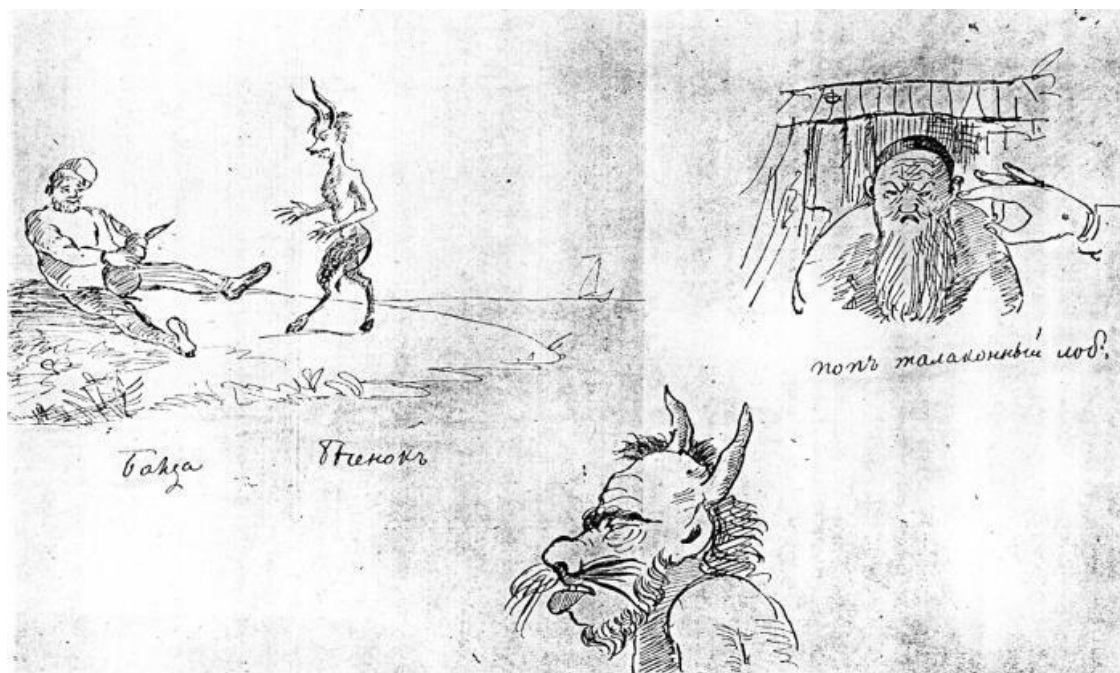
Пожалуй, самым известным «сказочным» текстом, созданным в это время, был отрывок «У лукоморья дуб зеленый», в нем поэт вспомнил и назвал всех чудесных, фантастических персонажей русских народных сказок, от лешего и русалок до злого волшебника Кощея. Первые шесть строк отрывка были записаны в той же рабочей тетради, где сохранились и записи текстов няниных сказок; в будущем из этого отрывка вырос Пролог к поэме «Руслан и Людмила», опубликованный при переиздании поэмы в 1828 году.

А в размышлениях о развитии и судьбах русской литературы, о роли в ее становлении народного устного творчества именно сказке, одной из древнейших его форм, отводит поэт и одно из первых мест. Об этом свидетельствуют планы его несостоявшихся статей о русской литературе, у истоков которой он всегда видит: «Летописи, сказки, песни, пословицы». То же понимание народной сказки (вместе с песнями и летописями) как древнейшей основы национальной литературы сохранялось у Пушкина всегда.

Свои первые сказки Пушкин написал осенью 1830 года. Первого сентября он впервые приехал в Болдино, нижегородское имение отца. Поездка была вызвана намечавшимися переменами в его жизни – с мая поэт был помолвлен с Натальей Николаевной Гончаровой, а свадьба все откладывалась по обстоятельствам, связанным с финансовыми проблемами жениха и невесты. В связи с вводом во владение деревней Кистенёво, выделенной ему отцом, Пушкин и отправился в Болдино.

Уезжал он из Москвы в самом мрачном расположении духа из-за конфликта с будущей тещей, Н.П. Гончаровой, вернув невесте ее слово выйти за него замуж и почти уверенный, что свадьба не состоится. Кроме того, на Россию надвигалась холера, и нависла угроза холерных карантин.

В состоянии душевной смуты, буквально в первые дни этой многотрудной осени, запертый в деревне холерными карантинами, Пушкин и обратился к сказке. 10 сентября, закончив повесть «Гробовщик», он тут же принялся за работу над тремя произведениями одновременно – повестью «Станционный смотритель», а параллельно с нею над двумя сказками – «О попе и работнике его Балде» (была окончена 13 сентября) и «Сказкой о медведихе», которая не была ни окончена, ни названа, осталась в рукописи, и лишь много позже вошла в корпус пушкинских сочинений под редакторским названием.

*Рисунки Пушкина – иллюстрации к «Сказке о попе и работнике его Балде».
13 сентября 1830 г.*

«Сказка о попе...», создавалась на основе текста сказки Арины Родионовны, записанной в 1824 году («Поп поехал искать работника...»). Но Пушкин совершенно преобразил нянин рассказ, сделал его разбитным и веселым, придав персонажам комические и слегка нелепые черты – жадный и тугодумный поп, расслабленный старый чёрт и глуповатый жалкий чертёнок, зато веселый, находчивый и емышленный Балда. Из трех записанных прежде эпизодов он оставил в своем тексте только два – о найме работника и состязании с чертом, опустив третий – о лечении царской дочери как выпадающий из контекста.

Прозаическое повествование няниной сказки поэт заменил так называемым «лубочным стихом», распространенным в лубочных изданиях. Это силлабический стих, без размера, но с парными рифмами. Рифма в таком стихе избирается свободно, она то мужская, ямбическая (Балда – куда), то женская, хореическая (тятей – дитятей) или дактилическая (хвалится – печалится), то с тремя безударными слогами на конце (покрывает – всакивает); число слогов в каждом стихе свободное.

Л.И. Поливанов приводит для сравнения подобный стих с лубочной картинкой, чтобы показать, от какого простонародного текста, отличающегося от прозы только рифмами, отталкивался Пушкин в работе над сказкой:

Немец нанял себе батрака
Деревенского мужика,
Чтобы год ему служил,
Не пьянствовал бы, а воду только пил.
«Немного тебе будет работы,
Иной даром бы пошел из охоты —
За домашними глядеть
И дома бы сидеть...», —

и какой получился у него в результате свободный и упругий текст, написанный «чисто народным русским лубочным стихом, который не выдерживался вполне в произведениях лубочной печати»⁷. Сказка вышла веселая и лукавая, одобряющая ум и находчивость простого человека и наказывающая жадность и корыстолюбие, но далеко не самым жестоким способом и достаточно иронично, что отличало ее финал от фольклорной традиции.

Именно про эту сказку писал через год с восторгом Н.В. Гоголь, услышав чтение ее Пушкиным: «Одна сказка даже без размера, только с рифмами и прелесть невообразимая»⁸. Однако при жизни создателя сказка напечатана не была из-за цензурных запретов (глупый и жадный поп никак не годился, по цензурным правилам, в сказочные герои). Только в 1840 году она стала известна читателям, но переделанная из-за цензурных требований Жуковским и с другим названием – «Сказка о купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде».

Работа в Болдине над обеими сказками (о Попе и о Медведихе) была, конечно, экспериментом. «Сказка о попе...», в которой использован «лубочный стих», имела результат блистательный; став известной читателям, она воспринималась большинством как истинно народное создание. «Сказка о медведихе» ориентирована на народную песню, что П.В. Анненков отметил в 1855 году: «Склад и течение речи удивительно близко подходит к обыкновенным приемам народной фантазии...», и текст ее кажется «деревенской песней, пропетой великим мастером... Песня, или лучше сказать, рассказ о медведице создан по этому способу, который так редко удается писателям менее гениальным, менее проникнутым духом народных созданий». А Н.Н. Страхов в 1868 году отметил необыкновенную удачу

Пушкина при создании болдинских сказок 1830 года: «Другое чудо, еще более удивительное представляют подражания Пушкина народным стихам. Дух и склад народной поэзии уловлены так, что сомневаешься, действительно ли это сочинено Пушкиным, а не подслушано у народа»⁹.

Однако поэт не «подражал» народным сказкам. У него была другая задача. Используя народные сказочные сюжеты, простонародную лексику, опираясь на народные представления о явлениях жизни, привлекая истинные детали народного быта, он творил произведения в сказочном духе, совершенно отвечающие народному сознанию и родственные ему. Судьба пушкинских сказок, всеобщее приятие их на протяжении почти двух столетий тому свидетельство.

Через год, летом 1831 года, Пушкин с женой жили в Царском Селе под Петербургом. Снова свирепствовала холера, и Царское было окружено карантинами. В июле сюда переехал из холерного Петербурга царский двор, и Жуковский, воспитатель наследника престола, стал соседом Пушкина, они встречались ежедневно и читали друг другу все, написанное каждым за долгие месяцы разлуки.

Когда Жуковский прочитал «Сказку о попе...», он был в восхищении и затеял вроде бы шуточное состязание, в котором они с Пушкиным должны были написать по стихотворной сказке, но которое вылилось, в конечном счете, в большое и существенное явление русской литературы. Из сказочных текстов, записанных Пушкиным в Михайловском, оба избрали для себя сюжеты. Жуковский даже два; нянино повествование о Кашее Бессмертном вылилось у него в «Сказку о царе Берендее, о сыне его Иване Царевиче, о хитростях Кашея Бессмертного и о премудростях Марьи-царевны, кашеевой дочери», а текст «Царевна заблудилась в лесу...» стал основой «Спящей царевны». А у Пушкина нянин текст «Некоторый царь задумал жениться...» преобразился в «Сказку о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди». В течение августа оба поэта с

⁷ Сочинения А.С. Пушкина с объяснениями их и сводом отзывов критики. Изд. Льва Подиванова для семьи и школы. М., 1887. Т. 2. С. 230.

⁸ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. В 5-ти томах. Т. 3. 1829–1832. СПб., 2024. С. 360.

⁹ Поливанов. Цит. изд. С. 146.

удовольствием работали над сказками, а само соревнование их обернулось важным литературным спором, в который оказались втянуты многие современники и в котором решалась судьба русской литературной сказки. Однако разговор об этом впереди.

Сюжет о Салтане занимал Пушкина давно: впервые он записал его в 1822 году в виде короткой программы «Царь не имеет детей...», уложив в ней содержание будущей сказки только в самых общих и приблизительных чертах¹⁰. Запись няниной сказки «Некоторый царь задумал жениться, но не нашел по своему нраву никого...» довольно пространна и соответствует в общих чертах содержанию «Сказки о царе Салтане». Летом 1828 года поэт уже начал над ней работать, записал в рабочей тетради первые 14 стихов начала и прозаическую программу продолжения, но тогда же и остановился¹¹.

Эта радостная, веселая, многоцветная сказка, в которой нет непоправимого зла, а жестокость, злоба и обман, без которых не обходится ни одна сказка, в конечном счете оборачиваются здесь на благо героев, была закончена 29 августа 1831 года.

Пушкин избрал для нее стихотворный размер, каким до сих пор не писал, – четырехстопный хорей с парными рифмами, мужскими и женскими попеременно. Интересно, что и Жуковский избрал тот же размер для своей «Спящей царевны», но только с мужскими рифмами. Возможно, поэты договорились использовать один размер в своей работе. В том и другом случае получился стих свободный и живой, вполне соответствующий «отрывистому слогу сказки», гармонирующему с наивным сказочным тоном. Верно угаданный размер оказался наиболее подходящим для рифмованного стиха сказки, и позже Пушкин написал им «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях» и «Сказку о золотом петушке». А в будущем им воспользовался и П.П. Ершов для своего «Конька-горбунка», которого наравне со сказками Пушкина приняла и затвердила вся Россия.

Первым отозвался на сказки двух поэтов Гоголь, слушавший их в августе в Царском Селе. Через некоторое время (2 ноября 1831 г.) он писал своему приятелю Данилевскому: «Почти каждый вечер собирались мы, Жуковский, Пушкин и я. О, если б ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей! У Пушкина... сказки русские народные – не то, что "Руслан и Людмила", но совершенно русские... Боже мой, что-то будет далее? Мне кажется, что теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии». Гоголь первый осознал тот огромный шаг в становлении народного начала русской литературы, который делал Пушкин, и одновременно чутко уловил разницу между созданиями двух поэтов.

¹⁰ Летопись Пушкина. Т. 1. 1799–1824. С. 309.

¹¹ Летопись Пушкина. Т. 2. 1825–1828. С. 398–399.

Е. Рейтерн(?). Портрет В.А. Жуковского 1832 г.

А. Г. Венецианов. Портрет П.В. Гоголя. 1834 г.

Исходя из одной, казалось бы, идеи и одного материала (сказок Арины Родионовны), поэты создали произведения, обнаружившие разный подход не только к народно-сказочному миру, но и разное понимание народного творчества вообще. Фольклорные интересы Пушкина на протяжении его жизни достаточно изучены, они – этапы его пути к народности. Понимание фольклора как одной из форм постижения народного духа и одновременно как способа его выражения к началу 1830-х годов вполне у него сложилось. Синтез всех фольклорных элементов Пушкин видел именно в сказке.

Обращаясь к народной сказке, он интуитивно нашел свой метод работы над нею, родственному методу русских сказителей. И, создавая сказку, свободно отбирал сюжет, детали, мотивы из разных источников – русских и иностранных, устных и книжных, заботясь лишь о главном: передать точно дух народного произведения, сохранить верность его структуре, то есть воспроизвести тип подлинной фольклорной сказки, сохранить народный взгляд и народное понимание ее смысла.

Каждая сказка Пушкина – как бы действующая модель, созданная по фольклорной системе, но не обязательно только из фольклорных материалов. Смысл работы – в воспроизведении национального сознания. Если это удастся, то не важно, из каких кирпичиков строится целое.

Это положение прекрасно иллюстрирует история создания «Сказки о рыбаке и рыбке» (написана во вторую Болдинскую осень в октябре 1833 года). Очень долго ее считали «самой народной» у Пушкина. Вс. Миллер, исследователь конца девятнадцатого века, считал даже, что поэт полностью заимствовал этот сюжет из русского фольклора, плененный его «ясностью и нравственной чистотой», и, обработав, «возвратил народу алмаз в форме бриллианта чистейшей воды»¹².

Но среди русских сказок нет сюжета аналогичного пушкинскому! На европейской территории России и в Сибири распространена совсем иная формула народного сюжета о наказании жадной жены. По ней желания исполняют чудесное дерево, святой, живущий на дереве, птичка-дрозд, коток золотой лобок, грош; завершается сюжет всегда превращением мужа и жены в зверей – медведей, свиней, быка и свинью. И ни в одной русской сказке нет ни рыбки, ни моря.

Пушкинская же сказка (как и написанная той же осенью «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях») близка к европейской традиции; ближе всего, как установил М.К. Азадовский, к варианту, изложенному в сборнике сказок Братьев Гримм. Как и у Гриммов, у Пушкина желания исполняет рыбка (в немецкой сказке – камбала), в его сказке сохраняется гриммовская последовательность исполнения желаний, так же изменяется морской пейзаж по мере роста аппетитов старухи – от тишины к буре. Однако русский поэт очень значительно отступает от немецкого источника: сказка написана не прозой, а нерифмованным белым стихом, и в ней очень различаются характеры старика и старухи. Одну автор делает властной, алчной и жестокой, в другом оттеняет смирение и покорность до полного порой порабощения, и это сразу придает сказке русский, а не европейский колорит (у Гриммов персонажи – жена и муж – вместе пользуются благами, дарованными волшебной камбалой, за что оба и наказаны). Кроме того, Пушкин сокращает цепь желаний (героиня в финале немецкой сказки пожелала стать богом и папой римским, что ни в какой мере не свойственно русскому сознанию) и вводит конкретные детали русского народного быта, в том числе и деревянное корыто, которого, конечно, нет у Гриммов, – с него он начинает и заканчивает им свой рассказ¹³.

Черты национального характера, общее представление о русской жизни, сам склад русских понятий настолько преобладают в сказке, что она гораздо раньше других сказок Пушкина была усвоена народной устной традицией. Уже в сборнике сказок Афанасьева, материалы для которого собирались в 1840–1850 годы, напечатана сказка, настолько повторяющая пушкинскую, что ее долго считали единственным на русской почве источником «Сказки о рыбаке и рыбке». И только исследования Азадовского положили конец этому заблуждению. Сегодня хорошо известно, что из всех пушкинских сказок на устную традицию целиком опирается только «Сказка о попе...» (она вся из устной поэзии), в других случаях важную роль

¹² Цит. по: Азадовский М. Литература и фольклор. Л., 1938. С. 66.

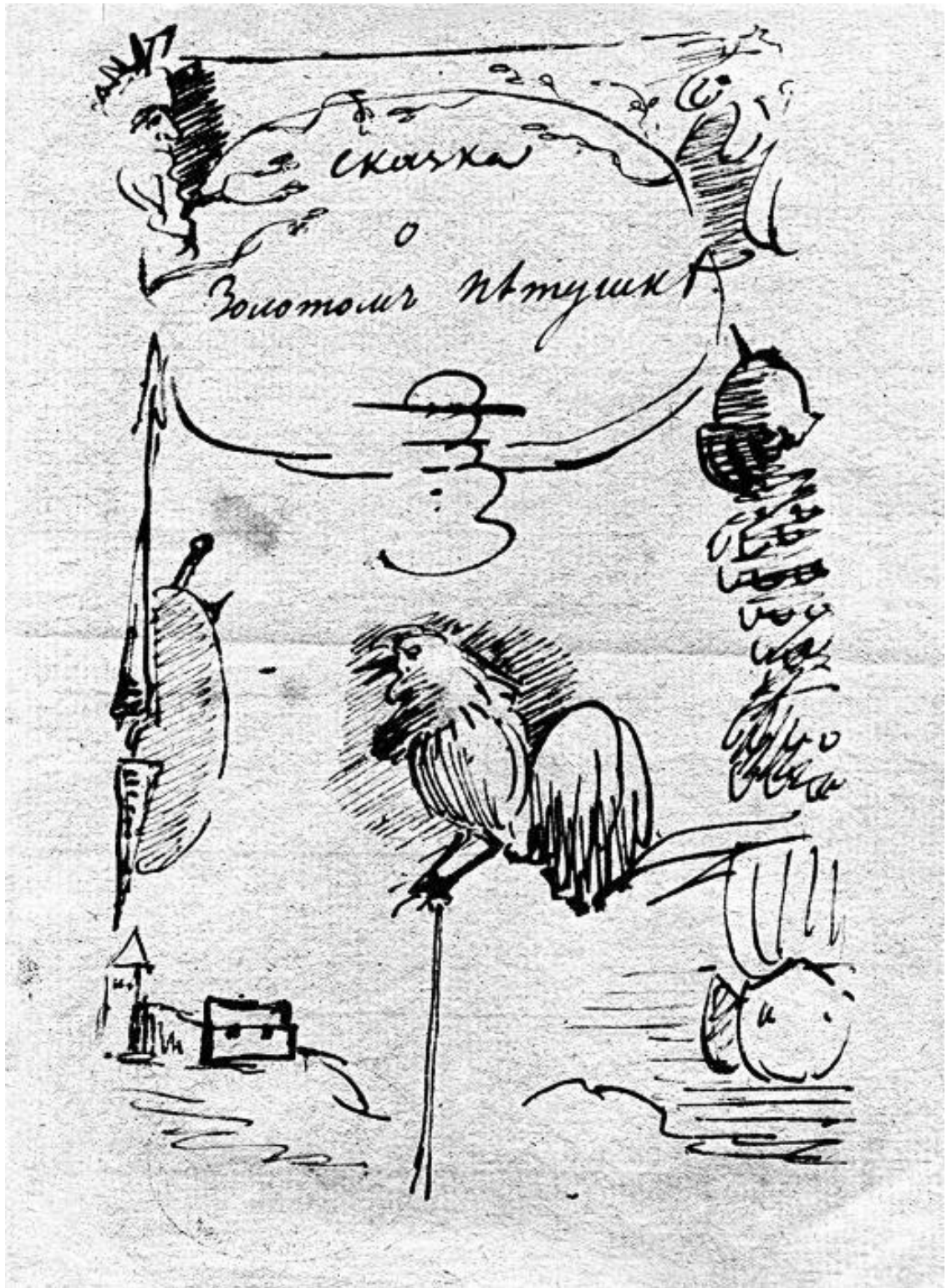
¹³ Азадовский М. Источники сказок Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 1. М.-Л. АП СССР, 1936.

наряду с русскими играют западно-европейские, книжные и почерпнутые из них международные фольклорные сюжеты.

В ту же болдинскую осень 1833 года, в начале ноября, написана «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», история создания которой не совсем ясна, потому что не сохранилась большая часть черновиков. Судя по сохранившимся рукописям, в деревне Пушкин работал только над второй половиной сказки. А где сочинял первую? Существует предположение, что задумал и начал сочинять сказку поэт еще в дороге, которая в ту осень была для него очень длинной, ведь он совершил многодневное путешествие в Поволжье и на Урал, до Оренбурга и Уральска, и потом уже приехал в Болдино. Я.Л. Левкович склонна видеть в обращении к жене (письмо от 31 августа 1833 г.): «Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете – а душу твою люблю я еще более твоего лица», – некие переключки и подступы к сказке о мертвой царевне, и предполагает, что работа над сказкой началась еще в дороге. Знать этого мы не можем, но предположение красивое, тем более что сам поэт сообщал жене с дороги: «...я уже и в колыске сочиняю...».

Иногда утверждается, что источником для работы послужила запись няниной сказки «Царевна заблудилась в лесу», сделанная в 1824 году. Однако пушкинская запись сюжетно соответствует только второй половине сказки, и то отчасти, с момента блуждания царевны в лесу, а о событиях первой – рождении царевны, смерти ее матери, зависти мачехи, присутствии волшебного зеркала – в ней нет упоминания. И вообще дальнейшие аналогии «Мертвой царевны» в русской сказочной традиции имеют совсем другой вид. Чаше они связаны с сюжетом об оклеветанной девушке, а мотив соперничества в красоте присутствует обычно как противопоставление родной дочери и падчерицы в глазах матери.

«Сказка о мертвой царевне», как и «Сказка о рыбаке и рыбке», восходит к гриммовской сказке, с которой Пушкин был знаком по тому же французскому переводу Галлана (там она имеет название «*Boule de neige*», что в русском переводе значит «Белоснежка»). Сохраняя основные мотивы, Пушкин меняет многие детали и гриммовского текста, и няниного варианта: царевна у Пушкина попадает в дом к семи богатырям в лесу, а не в замок к двенадцати гномам, опущены все типично волшебные детали из записи 1824 года (вражда «своих» богатырей с чужими, оставленные царевне платок, сапоги, шапка, которые могут служить знаками того, живы ли ее названные братья, нападение на лесной дом «чужих» богатырей и сонные капли, которыми царевна их «угощает» и др.), правда, оставлен намек на «богатырские забавы» названных братьев царевны («Сарацина в поле спешить»). Зато введена в сказку фигура жениха, королевича Елисея, отправляющегося на розыски пропавшей невесты; этого мотива и такой фигуры не знает русская сказочная традиция. Но она свойственна европейской, и отсюда же заимствовано обращение Елисея за помощью в поисках невесты к солнцу, месяцу и ветру.

Титульный лист к «Сказке о золотом петушке». Рисунок Пушкина 20 сентября 1834 г.

Как и в «Сказке о рыбаке и рыбке», русский колорит, русская лексика, соответствие всего происходящего в «Сказке о мертвой царевне...» русским понятиям не оставляет ни малейшего намека на ее европейское, нерусское происхождение. То же можно сказать и о последней сказке Пушкина, происхождение которой еще более замысловато, чем двух названных.

В сентябре 1834 года Пушкин последний раз приезжал в Болдино, и в ту осень он написал там одну только «Сказку о золотом петушке», которая целое столетие вызывала вопросы своим «непонятным» происхождением и считалась самой загадочной пушкинской сказкой.

Аналогий ее сюжету в народных сказках, русских, европейских и даже арабских, не находили. Справедливо полагали, что источником ее является некое литературное произведение, но не находили и его. Лишь в 1933 году А.А. Ахматова нашла текст, который послужил Пушкину источником сказки. Им была «Легенда об арабском звездочёте» («Legend of the Arabian Astrologer») из книги «Сказки Альгамбры» («Tales of the Alhambra») американского писателя Вашингтона Ирвинга, вышедшей в Париже в 1832 году. Тогда же книга была переведена на французский язык. А.А. Ахматова доказала, что именно этот французский текст, хорошо передающий пародийный характер новеллы Ирвинга, знал поэт и имел его в своей библиотеке.

Сюжет «Легенды об арабском звездочёте» чрезвычайно сложен, полон чудесных происшествий и множества аксессуаров «псевдоарабской фантастики». Автор выдает эту сказку за народное испанское предание, якобы некогда записанное им, однако никаких черт народной поэзии она не содержит. Но зато напоминает те «псевдовосточные сказки», которые в XVIII веке были шифром политической сатиры и потому, по мысли А.А. Ахматовой, «Легенда...» и привлекла Пушкина¹⁴.

Сказка Ирвинга заинтересовала Пушкина еще в 1833 году, тогда он перевел из нее отрывок в десять строк, написанный четырехстопным хореем: «Царь увидел пред собою / Столик с шахматной доскою...» В текст «Сказки о золотом петушке» отрывок этот не вошел, ее основу составил полный текст «Легенды об арабском звездочёте».

Пушкинская сказка сохраняет общую схему сюжета «Легенды...»: на старого мавританского короля, желающего «отойти от дел», часто нападают враги, глубокий старик, арабский звездочет, рассказывает ему о некоем талисмани, который может предупреждать о нападении неприятеля (медные петух и баран); он создает для короля такой талисман (всадника из меди) и получает в благодарность обещание выполнить в будущем любое пожелание звездочёта. На время король зажил спокойно; но вот талисман предупреждает его об опасности, и посланцы короля отправляются навстречу неприятелю. Однако вместо вражеских войск они находят в горах готскую принцессу; король влюбляется в нее, теряет голову и выполняет все ее безумные желания, в том числе разоряет Гренаду, чем вызывает там народное восстание. А звездочёт, в свою очередь, требует девицу себе в награду за услуги, однако король отказывается держать свое слово и ссорится с ним. Тогда звездочёт и принцесса проваливаются в подземелье, а талисман перестает действовать, превратившись со временем в обыкновенный флюгер, враги же вновь идут войной на старого короля.

¹⁴ Ахматова А.А. Последняя сказка Пушкина // Анна Ахматова. О Пушкине. Статьи и заметки. Л., 1977. С. 8–49.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.